

зал. Он был спокоен».¹⁵ Можно, разумеется, списать разночтения на стремление мемуаристки изобразить себя рядом с Буниным в судьбоносный момент его жизни или сослаться на несовершенство памяти интервьюируемого 30 лет спустя — подобные мелкие (хотя и весьма значимые) неточности неизбежны.

Исследователь может отличать, так сказать, корыстные ошибки (пользуясь определением Я. Гордина, который, говоря об основных видах мемуаристики, особо выделил так называемые «корыстные» мемуары — когда мемуарист решает исключительно личные задачи, оправдывая или возвеличивая себя — иногда и то, и другое, — как правило, за счет других персонажей) от странных промахов, аберрации памяти, подобной той, какая проявилась в письме Буниной к Зурову о самом ритуале вручения премии, написанном непосредственно вслед событию. Она подробнейшим образом описывает выход на эстраду лауреатов, усаженных «в первом ряду», а затем, «ровно в пять часов», после фанфар, «из боковых дверей справа во главе с королем шли друг за другом члены королевской семьи».¹⁶

Этому противоречат воспоминания самого Бунина, отметившего, что четверо лауреатов во время выхода короля и двора находились «в той маленькой зале, что примыкает к заднему входу на эстраду», и вышли лишь после вторых фанфар. Так же описано это действие в «Грасском дневнике», где Кузнецова, сообщая, что при выходе лауреатов «весь зал и с ним король с семьей встал», добавляет: «Это, кажется, единственный случай в мире, когда король перед кем-то встает» (с. 360). Верность их рассказа подтверждается и объективным описанием ритуала.¹⁷

При сопоставлении различных свидетельств об одном и том же событии уместно привести характеристики самих авторов мемуаров, дневников и писем, а также функциональных проявлений их текстов.

Мемуары Андрея Седых наиболее традиционны в жанровом отношении. Это схематичная передача событийной основы, которую автор расцвечивает несколькими удачными историческими анекдотами (например, о том, как он, забрав у Бунина только что врученные ему Нобелевскую медаль и папку с банковским чеком, забыл их на одном из кресел, пока не хватился сам лауреат. После чего Бунин до конца жизни приговаривал: «И послал же мне Господь секретаря!»; или: «В 1933 году Бунину была присуждена Нобелевская премия, как он считал, прежде всего, за „Жизнь Арсеньева“. Стоило Ивану Алексеевичу выйти на улицу, как прохожие немедленно начинали на него оглядываться. Немного польщенный, Бунин надвигал на глаза барашковую шапку и ворчал: — Что такое? Совершенный успех тенора».¹⁸

При этом Цвибак в своих воспоминаниях отзывается об И. А. Бунине и В. Н. Буниной неизменно почтительно и с подлинным восхищением: «Должен сказать, что успех Буниных в Стокгольме был настоящий. Иван Алексеевич, когда хотел, умел привлекать к себе сердца людей, знал, как очаровывать, и держал себя с большим достоинством. А Вера Николаевна сочетала в себе подлинную красоту с большой и естественной приветливостью. Десятки людей говорили мне в Стокгольме, что ни один нобелевский лауреат не пользовался таким личным и заслуженным успехом, как Бунин».¹⁹ Это почтение, как и память о «ставших знаменитыми в Стокгольме „бунинских” поклонах», он сохранил на всю жизнь.

Цвибак несколько не выпячивает своей роли, его воспоминания выглядят вполне объективными, единственное, что обращает на себя внимание, — чрезвычайно редкие и мимолетные упоминания Кузнецовой (очевидно, в характеристике

¹⁵ Там же.

¹⁶ Письмо В. Н. Буниной к Л. Ф. Зурову от 11 декабря 1933 года (Leeds Russian Archive. MS.1067/7939).

¹⁷ См., например: *Аграфенин А.* Премия Нобеля // Санкт-Петербургские ведомости. 2000. 14 дек. № 228 (2378); <http://vedomosty.spb.ru/2000/arts/spbved-2378-art-26.html>.

¹⁸ *Седых А.* Далекие, близкие. С. 199.

¹⁹ Там же. С. 200.